ЗИМНИЕ СЛОВА
За окном моим – замок
Из красного кирпича.
Острая башня взламывает
Гжель небесную.
Из луча
Крупными махровыми крошками
Сыплется первый снег.
Вечер крадётся кошкою,
И в следах застывает свет.
Час ещё
и немножечко –
И повсюду взойдёт Зима.
Даже я ювелирной ложечкой
Буду Зиму черпать в слова.

ДВОЕ В КАФЕ «БРОДЯЧАЯ СОБАКА»
В «Бродячей собаке»
сидим целый вечер,
И пьём капучино под музыку бардов.
А чувства и мысли сбежались навстречу,
И трудно понять, кто из них в авангарде.

Смотрю на тебя и терзаюсь вопросом.
Каким – не скажу,
лучше буду лишь зритель.
А ты – в диалоге
с Камю, с Леви-Строссом,
И трудно сказать,
кто из вас – победитель.

Наталья МУСИНОВА

Концерт для двоих

* * *
Безвременье,
Беспамятство,
Беспутство.
И нет конца
Беспомощности масс.
Бессовестность,
Безверье,
Безрассудство
И бесполезность
Беспощадных фраз…

* * *
Как же мне преодолеть
Этот тихий, нежный голос?
Как же в прошлое успеть,
В то, которое не скоро
Повторится, и не здесь,
Без меня, в иных широтах.
Той другой благую весть
Принесёт незримый кто-то.
Та исполненностью чувств
Будет искренне делиться.
К той себе не обращусь,
К той себе не возвратиться.
Та другая в поздний час
Будет петь, дитя качая,
Улыбаясь всякий раз
И меня не замечая…
Лишь однажды
кинет взгляд,
В даль засмотрится тревожно,
В ту, где я…
И снегопад
Засыпает осторожно.

В сиреневой вазе свеча догорает,
И я отвечаю – с Декартом, с Фалесом…
Но смотришь ты так,
как тот Первый из Рая,
С таким же конкретным
земным интересом.

* * *
В интернате тишина. Выходной.
Разобрали до утра всех домой.
Лишь расправлена кровать у окна,
Где тихонько Ритка плачет одна.
Да и, может быть, не плачет – молчит,
Просто сердце очень громко стучит,
Словно хочет от обиды кричать,
Но девчонка заставляет молчать.
И томится недосказанность фраз…
Да и нужно ль выставлять напоказ
Сокровенные желанья свои,
Откровенные признанья в любви
Той, которая забылась в вине,
Той, которая виновна вдвойне
В одиночестве, в болезнях, в тоске
Дочки Ритки. У неё на виске –
Та же родинка,
в глазах – тот же блеск,
На груди – такой же
в точности крест.

– Мама, мамочка, приди, я молю!
Я тебя все также очень люблю,
Подойди ко мне, присядь на кровать,
Мне тебе так много надо сказать…
Или, может быть, давай помолчим,
Просто так в тиши давай посидим.
Обними меня, от горя укрой.
Мама, мамочка, хочу быть с тобой.

За окном грустила зимняя ночь
И, увы, не знала, как ей помочь,
Этой девочке со взглядом беды,
Никому не нужной, лишней судьбы.
Только плюшевый безглазый верблюд,
Тот, с которым её взяли в приют,
Улыбался облупившимся ртом:
Что, мол, плачешь?
Здесь твой мир, здесь твой дом.

И заснула детка, друга обняв,
В этой жизни ничего не поняв.
И закончился опять выходной…
А во сне – и Ритку взяли домой.

КОНЦЕРТ ДЛЯ ДВОИХ
Закончилась наша с тобою игра.
И клавиши млеют
от страстных движений,
И пальцы болят, и как будто игла
Пронзила насквозь все мои настроенья.

Теперь набуханья эмоций и чувств
Исколоты больно внезапной разлукой,
Теперь я тебя потерять не боюсь.
Окончен концерт
под названием «Мука».

Захлопнут рояль, и гнетёт тишина,
И падают на пол забытые тени…
Но кажется мне, что опять влюблена
В твой образ, в твой голос,
в твоё возвращенье.

* * *
Юная осень скромна и застенчива –
Плечика – только-то – не оголит…
Жёлтые листья –
«пернатые птенчики» –
Прячутся в кронах лип.

В ней ещё шалая страсть не разбужена,
Но уже – бьётся под берестой
Странный, терпкий, почти недужный
Сладкий хмельной настой.

* * *
А что есть Бог и Дух Святой – душа,
И даже мысль… не взять и не потрогать.
А может быть она – «частица Бога»,
Застрявшая у вечности в ушах?

Где нет начала – не найти конца…
Жизнь бесконечно длится во Вселенной
Во времени –
бессмертна и нетленна,
Как то же Слово на устах Творца.

И почему, подавившись сном,
Прежде
пусть самых святых молитв,
Мы – не в себе ли – открыв окно…
Что-то высматриваем вдали.

* * *
Я ещё успел родиться
Там, где нынче только осень…
Осень – старая блудница –
В злой истоме бьётся оземь.

Александр БУРЛАКОВ

Словно тут вот ось земная...

Страсти дремотные круто замешаны,
Тронет ли кто их – разворошит?
Бабье лето… не век, конечно…
Робкий порыв души.

Шелесты, шёпоты, взоры горячие…
Шорохи это или – слова?
Будто кто-то, улыбку пряча –
В губы поцеловал.

Юная дева, как важная барышня,
Бросит в озеро горсть «монет»,
Чтобы вернуться,
но день вчерашний
Тиной сгорел на дне.

Звёздные ночи темны до отчаянья
И… не видать ни зги.
С липы поутру, как с розы чайной,
Падают «лепестки»…

Мы только клоны, клоны – и всего…
Но – это значит, что – Ему подобно –
Нам этот мир творить
на месте лобном
И – даже Бога… от лица его!

В истоках истин,
правд и кривд, и лжи
Он, как и мы, своей Вселенной зачат
И – потому – лишь так, а не иначе
Наш путь земной
сквозь Млечный Путь лежит.

И в этом деле – вечном – испокон
Мы обретаем внутреннее зренье
И… может быть –
в четвёртом измеренье
Сюда взираем со святых икон.

ГОРИЗОНТ
Каждому времени свой резон…
Всякому слову – своя строка!
…Сколько ни топай, а горизонт
Не преступить никому, никак.

Будет цепляться – за кромку – глаз,
Будет казаться… ещё – шажок!
Но – впереди – голубая мгла,
Неприкасаема, как ожог…

Платье износится в прах – до дыр,
Ноги до крови сотрет ишак…
До горизонта уйдут следы
И… не приблизятся ни на шаг.

Так отчего же – опять, опять –
Будто кто манит перстом с небес…
Вдаль – в этот морок –
за пядью пядь
Денно и нощно шагать тебе?

Залила глаза, как будто
Легче в дождь-то колобродить…
На ногах – худой обуток,
И наряд не по погоде.

А ведь здесь была дорога –
Тракт…
да вдоль него – деревня.
Лезут под гору – полого –
Полуголые деревья.

Обнажая ветви, ветер
Добирается до тела.
В золотом кабриолете
Лето бабье пролетело…

Не пройти и не проехать,
Не раздвинуть лес руками –
Только… речка, как прореха,
Подмывает дикий камень.

От моста остались – в память –
Две прогнившие хлыстины…
Берега, упёршись лбами,
Еле выбрались из тины.

Одичало бродит осень –
Наготой своей пугает…
Будто милостыню просит,
От тоски изнемогая.

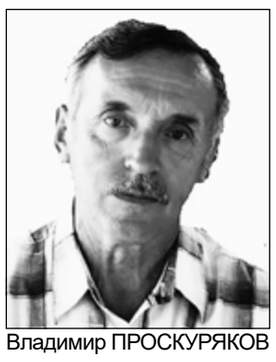
Эти шорохи, как всхлипы –
Память, морок ли… надсада?
От деревни – только липы
Посреди былого сада.

Бередит, тревожит, мает…
И ведь вот, скажи на милость, –
Словно тут вот ось земная
В нас судьбою надломилась.

Венок поэзии Костромы

Наталья МУСИНОВА

Александр БУРЛАКОВ


Владимир ПРОСКУРЯКОВ

Ольга КОЛОБОВА

Елена СМОЛЕНЦЕВА

Николай МАКСИМЧУК

ЖУРАВЛЬ
Здесь тишиною душат вечера,
Не слышно петухов разноголосья,
Не режут плугом поле трактора,
Не клонятся от тяжести колосья.
Здесь у колодца пусто поутру,
Изъела плесень
сруб морёный, древний,
Скрипит журавль и плачет на ветру
По умершей, заброшенной деревне.
Скрипит-скулит и в ливень, и в мороз,
Тоску излить иначе не умея,
Как изгнанный состарившийся пёс
С оборванной верёвкою на шее.

* * *
Земля от жажды тосковала,
Ждала дождя… И наконец
Полнеба чёрным покрывалом
Накрыл, расщедрившись, Творец.
Внезапный шквал с позёмкой пыли
Деревья гнул, стелил кусты,
Что люди просто не любили
Его летящий белый пух.

* * *
Сосна нависла над рекой,
Склонясь зелёной головой,
Обрыв – отвесный и высокий.
Но, с неизбежностью борясь,
Корней спасительную вязь
Сосна мне бросила под ноги.
И, кажется, уже настиг
Её последний страшный миг,
Вот-вот над ней сомкнутся воды,
Но времени споткнулся бег –
Стоит сосна и в дождь, и в снег,
Стоит и месяцы, и годы…
А если вдруг подстережёт
Меня опасный поворот,
Судьбы смертельная страница,
То я б не милости просил –

Владимир ПРОСКУРЯКОВ

Однажды в сумрачном рассвете...

Порывы злые в окна били,
Ломали шифера листы…
Утихла бешеная гонка,
Казалось, шквал лишился сил,
Но вдруг удар по перепонкам
И оглушил, и ослепил.
В испуге съёжилась округа,
Смиренья робкого полна,
И грозно двинулась по лугу
Дождя белёсая стена.

СТАРЫЙ ТОПОЛЬ
Вонзая блещущее жало
В его могучий древний стан,
Пила прожорливо визжала,
И дрожь катилась по листам.
Грачи испуганно кружили,
Был страшен тот
последний путь –
Под треск древесных сухожилий
Он тяжко пал Земле на грудь.
А через час его не стало,
Работы для пилы – пустяк.
Кряжи четыре самосвала
Украдкой сбросили в овраг…
Зачем, за что его убили?
Не знаю, но пронёсся слух,
В последний шанс хватило б сил
Вот так же намертво вцепиться!

БЕРЁЗОВЫЙ ДЫМ
Мир в снегах утонул – не пройти,
Заметёны к избёнке пути,
Из сугроба два мутных оконца
Немигающе смотрят на солнце
Да чернеют четыре венца.
След вчерашний
к колодцу с крыльца
Да сегодня чуть-свет за дровами
Дед прошаркал больными ногами.
Это утро он встретил живым –
Серебристый берёзовый дым
Заструил над заснеженной крышей,
Поднимаясь всё выше и выше.
Дед ладонью прогреет окно,
Он глядеть приучился давно
На деревню с утра и под вечер –
Все ли нынче затоплены печи…

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕЗД
Мелькают дни, проходят годы…
Давно грохочет мой состав.
Ни звёзд, ни славы не сыскав,
Я мчусь в ночную непогоду.
Но он сошёл на полустанке.
Однажды в сумрачном рассвете
И я покину свой вагон,
Сойду на призрачный перрон,
Вокруг живой души не встретив.
Уйдёт состав… Движенье вечно,
И вновь какой-то пассажир,
Жалея, что не так прожил,
Ждать будет станции конечной.

* * *
Ночь крадётся чёрной кошкой,
Ловит свечки зыбкий свет,
В незашторенном окошке –
Стройный женский силуэт.
Смотрит месяц из-за крыши
В чуть пригубленный бокал,
И кружит всё выше, выше
Лёгкий снежный карнавал.
Нераскрытый томик Блока,
Полумрак и тишина,
Неподвижна, одинока
Незнакомка у окна…
Через снежные вуали
Только месяц видеть мог:
У окна вдвоём стояли,
Рядом – женщина и Блок.

Под стук колёс роятся думы:
А мной ли избран мой маршрут?
А может быть, меня везут
Совсем не там, где я задумал,
Не те назначены стоянки…
Попутчик мой вчера ушёл,
А мне с ним было хорошо,

* * *
Зной. Бреду по бездорожью.
Нет пути конца и края.
На плече коровка божья
Замерла, не улетает…

Мной воспользоваться, может,
Словно транспортом сумела?
Мысль досадливая гложет:
До меня-то ей нет дела!

Но и мы, живя на свете,
Не задумываясь, дышим,
На большой кружась планете,
Не вникаем, кто там – Свыше.

* * *
В венах кровь адреналиня,
В «третий лишний» вновь играя,
Обогнув сюжетных линий
Все дозволенные грани,
Недозволенные – тоже,
В затянувшемся экспромте
День за днём победы множа
На амурном левом фронте,
Дамский ветреный угодник,
Перешедший все границы,
Знак подай – и треугольник
В многогранник превратится!

* * *
Душа моя, желанный мой!
Нас развели дороги разные.
Лишь в мыслях в час поры ночной
С тобой веду беседы праздные.

Ничья вина, что наш дуэт
Не в сценах жизни –
за кулисами…

На небесах на много лет
Вперёд истории написаны,
Где до погостных серых плит
Лимит на встречи и свидания…
Из века прошлого флюид –
Обрывки фраз,
воспоминания,
Доносит сквозь нирвану дней…
Но жизнь, свои диктуя правила,
Покой отнять у двух семей
Насильно вряд ли бы заставила.

Не смоет памяти река
Ни сны, ни думы, ни пророчества…
Как Свыше знак, наверняка,
Детей совпавшие вдруг отчества.

А других и не будет цветов:
В зыбком мареве знойного лета
Ты скорей раствориться готов,
Как мираж,
чем «созреть» для букета.

ЛЮБОВНЫЙ ПРИВОРОТ
Ночью тёмной и непроглядной
Колдовская взойди, Луна!
Повернись стороной обратной,
Демонических сил полна!

Млечный свет твой, вливаясь в окна,
Мир тревожит в глухой ночи.
Невесомые, как волокна,
Проникают, скользя, лучи

Ольга КОЛОБОВА

Колдовская взойди, Луна!

* * *
Деликатность и нежность в крови
Растворились на уровне генном…
На высоком наречье нетленном
Губ касаньем светло говори…

Отрекись от других. Всё забудь.
Первобытным инстинктом тревожа,
По упругой и шёлковой коже
Пролагай поцелуями путь.

Открыватель заветных глубин
И возвышенных мыслей Хранитель,
Падший Ангел мой, Змей-искуситель,
Сладок голос твой, взгляд голубин.

В знак согласия – слышишь? – в ответ
Сердца ритмы становятся чётче.
Между прошлым и будущим счётчик
Отключи. И помедли, мой Свет.

* * *
Словно небо спустилось к реке,
Загостилось которые сутки.
Островок голубой вдалеке –
На другом берегу незабудки.

И преградой застыл водоём.
Нет поблизости лодки, мосточка…
Не судьба, стало быть – не нарвём
Бирюзовых цветочков, и точка.

В недра спальни,
где спит мой милый…
Освещая лица овал,
Донеси до него, Светило,
Силой мысли мои слова.

На перилах замри балконных,
Зазеркаль пустоту фрамуг…
Расскажи в откровеньях сонных
О великой любви к нему.

Протяни к моему порогу
Паутинкой жемчужной нить,
Устели серебром дорогу,
Обозначив, куда ступить.

Чтоб и ныне и присно мимо
Не прошёл, не свернул с пути,
Стал во веки веков любимым
И назад не посмел уйти.

Забываясь в моих объятьях,
Впредь не смог вожделеть других.
Крепко слово,
сильно заклятье –
Да не снимут его враги,

Чтоб в супружеских узах прочных
До глубоких дожить седин…
Непроглядной и тёмной ночью,
Колдовская Луна, взойди!

Елена СМОЛЕНЦЕВА

Белая звезда

НОЧЬЮ В ВЫРИЦЕ
Кончалось лето.
Под дождем цыгане пели,
Дождь падал в сумраке ночном
на ветви елей.
А голоса плели венок любви и грусти –
Людская древняя тоска кого отпустит?
Она черна, она слепа – себе не верит…
И от нее темнее тьма среди деревьев.

Ветвями ели тяжело в дожде качали…
Один для всех людей Земли
язык печали.
В чужом дому мне не спалось –
росла тревога.
За елями, в сырой пыли лежит дорога.
По ней цыгане долго шли,
и пели, пели…
Дождь падал в сумраке ночном
на ветви елей.

* * *
Сесть в поезд и на стыках закачаться,
Нехитрой ворожбе его поддаться
И задремать под вечное «ту-тух»…
…Куда-нибудь когда-нибудь поехать.
Чтобы попасть,
минуя все помехи,
К друзьям своим –
в рук теплое кольцо!
Невиденное сотню лет лицо
Неловкими,
как гвоздики, губами
Пытаться целовать
куда-то вбок…
…Приехать, чтобы что-то ожидало –
Как прежней жизни новое начало –
Окно открытое
или в ладонь – листок.
…Поехать,
обязательно поехать.
Уж не сегодня – завтра точно – да!

Листвой качнут,
прощаясь, тополя,
И вслед посмотрят
мглистые поля,
Вечерняя
лиловая земля
И в золоте бледнеющее небо…

* * *
Г.Г.
У Вас на балконе
зачем-то зацвел иван-чай.
Пока Вы читали японцев,
пока Вы курили кальян…
Он был Вам не нужен,
он принял решение сам.
Смешной иван-чай –
он пробил равнодушный бетон!
Очнитесь! Повсюду-повсюду
безумствует жизнь!
Ну что Вам японцы дались?
Ведь у них в головах – Бусидо!
И все иванчАи
не значат для них ничего:
Лишь долг понимают –
бетонный, как этот балкон…

У самого неба
случайно зацвел иван-чай.
У Вас не спросясь,
он зацвел просто так, невзначай.
Он цвел для себя.
Был бесстрашным
и нежным таким…
А Вы все глотали
турецкий отравленный дым.

НЕБОЛЬШОЙ СЕКРЕТ
Юнне Петровне Мориц
I
Здесь по ночам такие чудеса –
Деревья улетают в небеса
И там парят и кружат,
Но внезапно
Под утро возвращаются обратно.
И глазу не заметить перемен.

Но руки их ветвей
В сто раз сильней!
Но соки их корней
В сто раз хмельней!
Но крылышки их душ
В сто раз прозрачней.
И тени их вечерние
Длинней…

II
Белая звезда –
Кто её зажег?
Юнна говорит – Бог.

Светится душа –
белая звезда,
Освещает путь людям, кораблям.
У моей души, видно, нет звезды.
Потому-то ей и не снятся сны.
Потому меня некому беречь –
Что посею я, то и буду жечь.

Это не беда, это не беда.
Тёмная вода, белая звезда.
Это – не беда, это – не впервой.
Эта – не впервой – боль.

ЛЕТНЕЙ НОЧЬЮ
Закат бордово-синей рукавицей
Сгребал за горизонт остаток дня.
А следом капля облачка живицей
Стекала в жар закатного огня.

Открыл сундук со скарбом вечер летний
И веер свой с прохладой распушил –
Опять всю ночь гонять тот будет сплетни
По грифу обесструненной тиши.

У НОЧНОГО ОЗЕРА
Когда мой край с погодным богом ладит
И далеко осенней прозы хлябь,
Но и в золе виднелась
стройность строф
живых стихов
Серебряного века.
И пламя, отскакав,
как красный конь,
слегло,
пахнув угарными духами.
А время
как и жертвенный огонь,
смиренно преклонилось
пред стихами.

Николай МАКСИМЧУК

И птицы играют на тысяче лир!

Сметает звёзды ветер с водной глади
И ловко прячет их в густую рябь.

Здесь берег – ширь: не чёсана, родная –
Ивняк да мхи, что гладят валуны.
И я, сачок в прибрежность окуная,
Ловлю осколки вызревшей луны!

Сверкнула золотом ажурность сетки
И отразилась радостью во мне –
Запел! В испуге дрогнул кончик ветки,
И птичка, ойкнув, скрылась в тишине.

Какая ночь! На нити звездопада
Ложатся ноты всплеска карасей.
…Как мало лирику для счастья надо –
Быть слогом строчки из природы всей!

* * *
Листы из книг
на эшафот костров
бросал в экстазе
умственный калека.

ОКТЯБРЬ
Ветра неровный настрой
Хаос привносит в окрестности,
Носится лиственный рой
С грустью своей бесполезности,
Неба сырое сукно
С редкими солнца подсветками –
Осень скребётся в окно
Осиротевшими ветками…

НОСТАЛЬГИЯ
Пламя о чём-то лопочет в печурке,
Тяга гудит в дымоходной трубе,
Кофе с дымком в закоптившейся турке –
Шлейф аромата танцует в избе.
Стёкла в узорах – нагая граница
Между уютом и стужей зимы…
Память – невиданной силы десница –
В детство уносит: там грезили мы
Будущим курсом на добрые дали.
Годы летели легко, весело.
Только прямого ответа не дали:
«Что же так тянет в родное село?».
Но те прорастут не пожаром лихим,
А будут сердца наполнять теплотой.
Сердца, что прочтут от речушки стихи,
Навеки пленившись Руси красотой!

ПТИЦЫ ИЗ ОСЕНИ
Пестрыми птицами, шумными птицами
Ветки укрылись с роскошеством грима:
Осень одна, только с разными лицами
Вышла на сцену, блистая, как прима.
Белыми птицами, тихими птицами
С вечера лягут туманы в низины –
Утром роса заблестит небылицами
Там, где антоновкой пахнут корзины.
Чёрными птицами, гулкими птицами
Грусть закружится
над вспаханным полем:
Выдождит тучи, тоскливыми ситцами
Падая наземь. Доколе? Доколе?
Разные этими птичьими стаями
Струны натянуты – сердце послушай:
Осень, уставшая властвовать далями,
Ходит по душам…

У КОСТРА
Рассвет у весны восхищённо красив:
Шаги разноцветья сквозь сонность трухи,
Речушка выводит лазурный курсив –
Слагает для летних туристов стихи.
Там ива нарядна и скромен аир,
Рогоза побег своенравен, остёр,
И птицы играют на тысяче лир!
Там первый в году
на «зелёнке» костёр –
Объятые пламенем ветки трещат,
Гитара звенит, перебором маня,
И юного ветра шальная праща
Бросается в ночь семенами огня.